

кого была найдена завитка, действительно идёт за знахарем, иногда за несколько десятков вёрст – в разгар рабочей поры, когда крестьянину дорог каждый час. После этого привезённого знахаря необходимо содержать несколько дней, поить его водкой и угощать как самого дорогого гостя, а при отъезде заплатить несколько рублей. Поэтому всё это, само собой разумеется, было сопряжено с немалыми убытками и потерей дорогого времени.

В свою очередь у пчеловодов есть свои суеверия. Они, например, никому не позволяют садиться на пороге в избе или в сенях, потому что в противном случае рои пчелиные не будут садиться в ульи. После одного кушанья, когда подают другое, не следует отрясать ложку, ударяя ею о стол, иначе дятлы будут продалбливать ульи [8, с. 58–63].

Таким образом, православным служителям приходилось прилагать большие усилия для того, чтобы оказать необходимое воздействие на своих прихожан для того, чтобы избавить или по крайней мере ослабить в их среде зависимость от суеверий и предрассудков. Крестьяне, как правило, ревниво и упорно охраняли все предания своих предков и упорно не желали отказываться от них. Подобная приверженность суеверным обычаям являлась следствием малограмотности крестьянского населения и могла быть искоренена только путём повышения уровня грамотности сельских обывателей.

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия религии*. Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – 532 с.
2. Левенстим, А. А. Суеверие в его отношении к уголовному праву / А. А. Левенстим. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1897. – 176 с.
3. Левенстим, А. А. *Фанатизм и преступление* / А. А. Левенстим // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 19–38
4. Леманн, А. *Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней* / А. Леманн. – М., 1900; – Киев: Украина, 1991. – 397 с.
5. Лохвицкий, А. В. *Курс русского уголовного права* / А. В. Лохвицкий. – СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. – 704 с.
6. Обнинский, П. Н. В области суеверия и предрассудков / П. Н. Обнинский // Юридический вестник. Ноябрь, декабрь. 1890. – С. 359–381.
7. Ожегов, С. И. *Словарь русского языка* / С. И. Ожегов. – М.: Оникс, 2007. – 1198 с.
8. Пашин, Д. *Некоторые суеверные обычаи и предрассудки прихожан м. Петриков Мозырского уезда* / Д. Пашин // Минские епархиальные ведомости. 1 февраля 1880. № 3. Часть неофициальная. – С. 58–63.
9. *Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений* // Свод законов Российской империи. Том XIV. – СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.
10. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. Издание 1885 г. // Свод законов Российской империи. Том XV. – СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.

К ЮБИЛЕЮ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА

В.Ю. Максимов (Ставрополь, Россия)

Взгляды П.А. Кропоткина на проблемы преступности в России и Европе конца XIX – начала XX веков являются закономерным выражением его социально-этической теории и, в целом, находятся в русле криминологических идей данного времени. Криминологические воззрения Петра Алексеевича ограничены, в основном, кругом трех основных проблем: факторов, влияющих на существование преступности в человеческом сообществе, социальной обоснованности и этической оправданности наказания, а также уголовных характеристик будущего, справедливого общества.

Понимание Кропоткиным причин преступности наиболее близко социологической школе, или «школе факторов»; в криминологии, представителями которой в данный период в европейской науке были Ферри, Ван Гамель, Лист, Принс, а в отечественной – И.Я. Фойницкий. Названные криминологи, а вслед за ними и П.А. Кропоткин, выделяли три основные группы факторов, влияющих на преступность в любой стране. Суммируя их, Кропоткин писал: «Три великие первопричины ведут к тому, что называют преступлением: социальные причины, антропологические и космические». Признание многофакторности исторического развития является для Петра Алексеевича основанием для вывода о множестве причин и условий, определяющих преступное поведение.

Космические причины понимаются в данном случае чрезвычайно широко: и как влияние космических объектов, и как воздействие вполне земных космических явлений – географических, климатических и физических причин. В соответствии с учением Кропоткина, космические детерминанты преступности исследованы слабо, однако полностью игнорировать их нельзя. Они действуют, но в основном не напрямую, а через посредство целого ряда влияний социального характера.

По мнению ученого, антропологические факторы преступности обладают гораздо более сильным влиянием на отклоняющееся поведение, нежели космические; к таковым факторам П.А. Кропоткин относит «унаследованные качества и телесную организацию». При этом необходимо отметить, что на криминологические взгляды Кропоткина как естествоиспытателя, несомненно, оказало определенное влияние учение выдающегося антрополога конца XIX века Ч. Ломброзо о «биологическом преступнике». Петр Алексеевич был готов признать важность фактов, установленных итальянским исследователем, однако в то же время утверждал, что представления последнего – «лишь заявления факта», из которых

недопустимо делать «чересчур широкие выводы». Так, по мнению Кропоткина, нельзя допустить истребление всех людей, обладающих т.н. несовершенной структурой мозга (и что брать за критерий такого совершенства?), либо сажать в тюрьмы тех, кто имел несчастье родиться с более длинными, чем у большинства населения страны, руками.

К главным, определяющим причинам преступности П.А. Кропоткин как теоретик социального учения относил именно социальные факторы. Он был убежден, что «все общество в значительной мере ответственно за противообщественные поступки, совершенные в его среде». К социальным причинам преступности ученым причислялись: нищета, дефекты воспитания и, главное, существование в человеческой среде государства и законов. Закономерно, что последние два фактора Кропоткин как анархист считал существенными источниками насилия, безнравственности и зла в обществе. По собственному опыту хорошо знакомый с уголовной карательной системой России и Франции 1870-х годов, он признавал тюрьмы и суды государственными учреждениями, наиболее активно содействовавшими распространению преступности, особенно рецидивной.

Необходимо, однако, отметить, что наказание как крайнее средство пресечения отклоняющегося от нормы поведения членов общества, по Кропоткину, столь же естественно для социума, как и право. Петр Алексеевич признавал и оправдывал и до государственные, и до человеческие (например, у муравьев) разновидности наказания, но государственное «наказание по закону» характеризовалось им как отклонение от естественных форм наказания, пережитком, уходящим корнями в системы устрашения восточных деспотий, как «узаконенная месть, возведенная в обязательство». Государство, по мнению ученого наказывает исключительно с одной целью – целью охранения привилегий, захваченных имущими, правящими классами.

В своих научных и публицистических произведениях П.А. Кропоткин выступает как яростный противник тюремной системы наказаний, а также смертной казни как крайней степени жестокости государства по отношению к преступнику. Петр Алексеевич неоднократно показывает и подчеркивает противочеловечный характер тюремного заключения в современном ему обществе, его отрицательное воздействие на психику, волю, нравственность осужденных, выработку у них неприспособленности к дальнейшей жизни в социуме. Таким образом, тюрьма, по Кропоткину, становится и выступает университетом преступности, а оздоровительное и предупреждающее воздействие тюрем он считал существующим лишь в воображении юристов. Необходимо отметить, однако, что, делая такие выводы, П.А. Кропоткин ссылаясь на данные уголовной статистики Франции, в частности, касающиеся пенитенциарного рецидива. Исследователь проблемы обращал внимание своих современников и на то, что наказание, кроме самого осужденного, непосредственно и самым тяжелым образом касается ни в чем не повинных его близких. По мнению Кропоткина, закон карает их с еще большей жестокостью, чем преступника.

Петр Алексеевич, в ряду многочисленных представителей демократических настроений своего времени, последовательно выступал за отмену такой крайне репрессивной меры уголовного наказания, как смертная казнь. Он рассматривал ее как пережиток варварских времен (к слову сказать, в то же самое время в значительной мере идеализировавшихся им самим), который удерживается в обществе лишь «косностью ума» и «трусостью собственников». Следствиями существования данного пережитка, по мнению ученого, являются распространение и усиление жестокости в обществе, с одной стороны, и обесценивание человеческой жизни, с другой.

Устроенное разумно, коммунистическое общество, в соответствии с учением Кропоткина, будет, конечно же, лишено таких проявлений общественного зла, как государство, государственный закон и суд, государственное принуждение и наказание. Естественно сложившаяся собственность всего человечества на все общественные богатства, материальное обеспечение всех членов общества, их свободно кооперированный и хорошо организованный труд, радикальное изменение всех условий жизни на основах равенства и партнерства – все это, по П.А. Кропоткину, в течение минимально короткого времени, буквально нескольких недель, даст миру нового человека. Правда, и он допускал возможность совершения в будущем обществе антиобщественных поступков, но только в качестве пережитков, имеющих причинами «телесные несовершенства и болезни». Такие противоречия будут безболезненно разрешаться существующими при общинах третейскими судами.

Таким образом, не будучи глубоким теоретиком криминологического направления, П.А. Кропоткин использовал свои познания и исследования в данной области, главным образом, в целях критики современного ему устройства общества. Будет справедливым отметить также и долю утопизма, присущую его криминологическим взглядам, частично обусловленную состоянием этой науки в конце XIX в.

1. Максимов, В. Ю. Криминологические воззрения П.А. Кропоткина / В. Ю. Максимов // Материалы конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Кропоткина. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского университета, 1998. – С. 34–36.